

— Лай? — вдруг спросила Яо Ван. — Мне тоже слышался собачий лай.

— Если так подумать, я тоже его слышал, и ещё мычание, — добавил Хуа Тяньсяо. — Сначала я со своей прежней группой ходил в храм ставить благовония. Там под деревом был привязан бык, а вечером мы поехали на концерт...

— В храме? — нахмурившись, перебил его Пу Тяньбай. — Мы с Иньинь тоже там оказались. В японском Сэнсо-дзи. Даже купили обереги.

— Храм? Да, я тоже видел храм, — кивнул Юй Чуньминь. — Будто на Новый год повёл дочку в монастырь Чжаоцзюэ...

Юй Цюся обвёл взглядом тех, кто сегодня ходил на «вакцинацию».

— То есть у всех? Вы все видели храмы или монастыри?

— А Мекка считается? — спросил Цзин Шипин. — Я прожил там несколько лет. И сегодня во сне видел хадж.

— Считается, — подтвердил Юй Цюся. — Любые религиозные образы подходят.

Убедившись, что у всех восьми выживших за вычетом погибшего Чжань Чэнсяо было нечто подобное, он спросил:

— А лай собак и мычание быков?

Все принялись вспоминать. Собачий лай слышали почти все. Насчёт мычания уверенности было меньше, но несколько человек подтвердили и его.

Фан Сынун тоже вспомнил свой сон. В Тибете, когда старый монах увёл пса и скрылся за поворотом, действительно донёлся далёкий лай. Что же касается мычания... Наслушавшись чужих рассказов, он и сам начал сомневаться. Возле тибетского монастыря на пастбище действительно паслись яки. Возможно, он тоже уловил краем уха их приглушённый рёв, а может, это была лишь уловка разума, поддавшегося чужому влиянию.

Но сейчас куда сильнее их всех мучил голод.

Фан Сынун безумно хотел есть. Блюда на столе манили его так сильно, что он никак не мог сосредоточиться. Юй Цюся велел ему смотреть только на него, но разум затуманивался. Впервые в жизни Фан Сынун поймал себя на кощунственной мысли: румяная пекинская утка кажется ему куда привлекательнее собственного возлюбленного.

— Не ешь, — раздался ледяной шёпот Юй Цюся.

Фан Сынун вздрогнул, морок мгновенно рассеялся. Он выпрямился, словно провинившийся первоклассник под строгим взглядом учителя. Но в следующую секунду Юй Цюся добавил:

— Толкни её.

Только тогда Фан Сынун понял, что эти слова предназначались не ему, а сидевшей напротив Яо Ван.

Чу Шэньнань и Юань Гуаньцзюнь с двух сторон поспешно привели в чувство Яо Ван, которая едва не уткнулась лицом прямо в тарелку.

Юй Цюся повернулся к Хуа Тяньсяо:

— Расскажи подробно, что именно ты видел. Остальные слушают внимательно: если заметите общие детали, сразу говорите.

— Ну, мы зажгли благовония, — начал вспоминать Хуа Тяньсяо. — А потом поехали на концерт. Кажется, это было наше последнее выступление перед тем, как группа распалась, и каждый занялся сольной карьерой. Стадион был под открытым небом. Пока мы ждали выхода за кулисами, я засмотрелся на звёзды. Разговорился с нашим лидером... Именно после той ночи я написал свою первую песню — «Звёздную ночь».

— Звёзды... — подняла руку Ли Дэншуй. — Я тоже их видела. Вспомнила ребят из астрономического кружка. Мы тогда уехали за город, чтобы изучать созвездия и готовиться к олимпиаде.

— И я, — добавила Ро Шиши. — Мне приснилось, как мы с первой любовью смотрели на звездопад.

Остальные тоже закивали. Фан Сынун подтвердил, что и в его сне было звёздное небо.

— Потом наступила моя очередь, — продолжил Хуа Тяньсяо. — Я вышел на сцену, подошёл к краю, а конструкции оказались шаткими. Я оступился, полетел вниз — и тут же проснулся.

Юй Цюся нахмурился:

— Просто упал?

— Да, — кивнул Хуа Тяньсяо. — И в самый последний момент послыся звон разбитого стекла.

— А вы? — Юй Цюся повернулся к остальным. — Как очнулись вы?

Они вкратце описали свои сны. Большинство либо вырывались из смертельной ловушки, либо вовремя осознавали нереальность происходящего. Выделялись лишь трое: Яо Ван, Пу Тяньбай и Хуа Тяньсяо.

В каждом иллюзорном мире существовал ключевой проводник, принимавший облик кого-то близкого. Для Фан Сынуна им стал Юй Цюся, для Пу Тяньбая — Иньинь, а для Яо Ван — её родители.

Яо Ван выбралась, убив своих проводников.

Пу Тяньбая его проводник отпустил сам.

А Хуа Тяньсяо... Хуа Тяньсяо просто разбился насмерть.

Фан Сынуна укололо смутное предчувствие. В самом сне всё казалось естественным, но сейчас, восстанавливая события по крупницам, он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Что было бы, не оклики его вовремя Юй Цюся? Если бы он поддался искушению и перерезал себе вены в той тибетской келье?

«Если бы я действительно наложил на себя руки в том мире, — подумал Фан Сынун, — неужели моё реальное тело тоже погибло бы? Или я просто превратился бы в монстра?»

Но если из мира грёз можно вырваться даже ценой собственной гибели, то почему погиб доктор Чжань?

Юй Цюся задумчиво потёр подбородок. Юань Гуаньцзюнь, которая сегодня не проходила «вакцинацию», не выдержала и спросила:

— У тебя есть какие-то догадки?

— Буду краток, — Юй Цюся скользнул взглядом по залу. Фан Сынун проследил за его взглядом и заметил приближающуюся Луну. Юй Цюся заговорил быстрее: — Мы выяснили, что умные помощники в наших комнатах, скорее всего, когда-то были живыми людьми. Это сходится с моими подозрениями во время уборки. Похоже, в этом особняке переплетено несколько чужих судеб. Те, кто жил здесь раньше, исчезли, но их призрачный след остался.

— Я не совсем понимаю... — пробормотал Сан Чу. — Ты хочешь сказать, что эти помощники и есть призраки?

— Сначала я уловил само присутствие этих фантомных сущностей, а сегодня убедился, что ИИ-

помощники были людьми, — пояснил Юй Цюся. — Скажем так: раз есть домашние обязанности, кто-то ведь должен был их выполнять. Люди исчезли, но сама рутина осталась. Пока я склоняюсь к тому, что среди них были «учёный», «управляющий», «повар», «служанка»... возможно, ещё и «садовник».

— И кто-то из них главный герой здешней пьесы? — уточнила Юань Гуаньцзюнь.

— Не знаю. В любом случае, если ночью мы не выберемся, нам снова придётся отрабатывать повинность. Если Луна опять заставит вас выбирать обязанности, берите то же, что и в прошлый раз. Кто помогал на кухне — возвращайтесь на кухню. И самое главное — ищите скрытые шифры и подсказки... — Юй Цюся осёкся и заговорил совсем шёпотом: — Всё, она идёт. Остальное обсудим перед сном. Если получится, соберёмся в холле, не расходитесь сразу по комнатам.

Поняв по его взгляду, откуда приближается Луна, все притихли и понурили головы.

Один лишь Фан Сынуна осмелился украдкой понаблюдать за ней. Луна действительно прошла мимо, но лишь скользнула краем вдоль их стола, даже не взглянув в их сторону.

Он только успел облегчённо перевести дух, как вдруг почувствовал лёгкое прикосновение к плечу.

Ледяной сквозняк коснулся шеи, и по телу мгновенно побежали мурашки.

«Юй Цюся сидит справа, — промелькнуло в голове у Фан Сынуна. — Слева пустует стул Чжу И. Его руки на виду. Кто тогда стоит за моей спиной?»

Он медленно, преодолевая страх, повернул голову.

И упёрся взглядом в огромные глаза, густо подведённые яркой алой и белой подводкой.

Перед ним стоял Объект 019.

Взгляд Объекта 019 на секунду застыл на лице Фан Сынуна, после чего губы незнакомца растянулись в приторной, пугающей улыбке.

— Приветствую вас, господа. Настало время для нашей ежедневной игры.

Неприкосновенные яства мгновенно исчезли со стола, а Объект 019 занял своё законное место под номером ноль.

Всё пошло по уже знакомому сценарию. Выпала сегодняшняя игра: «Я никогда не...».

— О, старая добрая забава, — довольно прищурился Объект 019 и принялся объяснять правила: — Игра выбирает случайного участника, устанавливая для него лимит времени и точное число совпадений. Игрок должен уложиться в отведённый срок. «Never» означает действие, которое он никогда в жизни не совершал, а «ever» — то, что с ним уже случилось. Если количество людей за столом, разделяющих этот опыт или его отсутствие, в точности совпадёт с заданным числом, игра продолжится. Если нет — проигравшего ждёт наказание. Разумеется, главное условие — кристальная честность. Врать нельзя. Вопросы есть?

— А как насчёт тебя? — внезапно спросил Юй Цюся. — Ты тоже участвуешь?

Вчерашняя Объект 077 принимала полноценное участие в Разговорной игре, так что, по логике вещей, Объект 019 тоже не должен оставаться в стороне. В самый первый день, когда они играли в «Правду», ведущий никак себя не проявил, однако прямых указаний на его неучастие тоже не было.

Объект 019 повернулся к Юй Цюся. Из-за слишком плотного слоя грима его лицо напоминало застывшую маску — мертвенную, лишённую малейших признаков живых эмоций.

Фан Сынун напрягся всем телом, готовый к худшему. Однако сам Юй Цюся оставался абсолютно невозмутим, спокойно выдерживая этот жуткий взгляд.

Спустя несколько бесконечно долгих секунд Объект 019 расплылся в улыбке, и давящее ощущение неестественного кошмара тут же растаяло.

— Само собой. Если очередь дойдёт до меня, я подчинюсь общим правилам.

Смелость Юй Цюся немного приободрила остальных. Юй Чуньминь робко поднял руку:

— Простите, я не совсем понял правила... Не могли бы вы объяснить поподробнее?

Объект 019 одарил его точно таким же безжизненным взглядом. У пожилого мужчины не было стальной выдержки Юй Цюся: он мгновенно сжался, задрожал мелкой дрожью и в панике опустил глаза.

Похоже, здешний ведущий очень не любил, когда его прерывали лишними вопросами.

— Ну хорошо, я покажу на примере, — примирительно вздохнул Объект 019 и повернулся к лежащему на столе семечку дерева: — Давай начнём с меня.

Семечко дерева слегка покачалось, его макушка приоткрылась, проецируя в воздух чёткие

светящиеся символы, которые с любого ракурса выглядели идеально ровными.

В то же время перед Объектом 019 алым вспыхнул номер ноль.

[NEVER / 13 / 13]

— Стоп, — скомандовал Объект 019.

Семечко замерло.

— Объясняю один раз, так что слушайте внимательно, — он указал пальцем на светящуюся табличку. — Красный свет означает, что ход за мной.

Затем он коснулся первого слова на проекции:

— «Never» означает, что я должен заявить о поступке, которого никогда не совершал.

Он перевёл палец на следующую цифру:

— Первая тринадцатка — это время на размышление в секундах.

И, наконец, указал на последнее число:

— Вторая тринадцатка — требуемое количество участников. То есть среди всех присутствующих должно оказаться ровно тринадцать человек, которые, как и я, никогда этого не делали. Если угадаю — игра продолжается. Ошибусь — пеняйте на себя.

— Усвоили? Тогда смотрите дальше. Поехали.

Как только он договорил, число тринадцать на таймере сменилось двенадцатью, и побежали секунды.

Всего за столом сидело четырнадцать человек. За вычетом самого ведущего ему требовалось назвать вещь, в которой его поддержали бы абсолютно все оставшиеся тринадцать участников.

При этом Объект 019 ухитрился продолжать объяснения на ходу:

— Видите? Время пошло. Я обязан успеть озвучить утверждение до того, как таймер обнулится. Можно немного потянуть, но не переусердствуйте. Итак... Пять, четыре, три, две...

На самой последней секунде он с улыбкой произнёс:

— Я никогда не был влюблён в Луну.

Обратный отсчёт замер. Семечко дерева вновь лениво покачнулось из стороны в сторону.

— Ну а теперь те, кто тоже никогда не питал к ней нежных чувств, поднимите руки, — скомандовал Объект 019.

Все тринадцать человек дружно вскинули руки.

Семечко продолжало мелко подрагивать, словно сканируя пространство на предмет лжи. Спустя мгновение индикатор перед ведущим загорелся ровным зелёным светом.

— Вот и всё. Как видите, проще некуда, — Объект 019 развёл руками. — Продолжаем. Сейчас определим следующего счастливчика...

Проектор мигнул, и алая метка вспыхнула перед Сан Чу.

Голограмма выдала новые условия:

[EVER / 12 / 12]

Запустился двенадцатисекундный отсчёт. Лицо юного даоса стремительно бледнело, пальцы начали мелко подрагивать. Когда на таймере оставалось всего три секунды, он выпалил:

— Я учился в старшей школе!

— Те, кто тоже учился в старшей школе, поднимите руки, — объявил Объект 019.

Руки подняли почти все, кроме самого ведущего и Юй Чуньминя. Ровно двенадцать человек.

Вспыхнул зелёный свет. Сан Чу благополучно миновал ловушку.

Сразу же стартовал следующий раунд.

«Значит, лимит времени строго равен числу совпадений, — лихорадочно соображал Фан Сынун. — Сколько человек нужно угадать, столько секунд и даётся. Но как подготовиться к раунду, если полярность "never" или "ever" выпадает случайно?»

В следующую секунду загорелась метка перед Пу Тяньбаем.

Голограмма выдала:

[EVER / 7 / 7]

«Не одиннадцать? Сразу семь? — у Фан Сынуна похолодело внутри. — Вся моя гипотеза рассыпалась в прах»

Ход перешёл к Пу Тяньбаю.

Но семь... Семь — чертовски неудобная цифра. Слишком среднее значение для компании малознакомых людей. Как угадать факт, который объединял бы ровно семерых присутствующих?

В подобных играх проще всего целиться в крайности — когда нужно найти что-то абсолютно уникальное или, наоборот, максимально обыденное.

Для условного «ноля» достаточно закрутить формулировку посложнее. Что-то вроде: «Я никогда не держал за руку своего третьего партнёра на вершине горы Эмейшань, выкрикивая, что мечтаю вырастить крылья всем обезьянам мира». Такое совпадение вряд ли отыщется даже среди миллионов людей, не говоря уже о горстке сидящих за столом.

Для максимального числа совпадений подойдёт любая банальность: «Я когда-нибудь пил воду».

Если ухватиться за эту логику, играть становится относительно просто.

Но когда требования выбивают золотую середину, задача усложняется стократно. За считанные секунды легко запаниковать, пойти по неверному пути и остаться ни с чем.

Фан Сынун первым делом попытался посчитать соотношение мужчин и женщин за столом — девять к пяти. Никаких зацепок для семёрки.

Пока он крутил в голове эти бесперспективные расчёты, на таймере Пу Тяньбая осталось всего три секунды. Фан Сынуну казалось, что на его месте он уже давно бы провалился.

Но в последнее мгновение Пу Тяньбай спокойно произнёс:

— Я своими глазами видел мужчину, способного рожать детей.

Фан Сынун облегчённо выдохнул. Тот выбрал идеальное направление.

Все, кто вместе с ними побывал в прошлом иллюзорном мире, дружно подняли руки. Цзин Шипин, Хуа Тяньсяо, Юй Цюся, Фан Сынун, Юань Гуаньцзюнь, Яо Ван и Чу Шэньнань — ровно семь человек.

Есть попадание.

Этот ответ подсказал остальным ветеранам отличную лазейку.

Следующим загорелся номер Хуа Тяньсяо. Ему выпало:

[NEVER / 5 / 5]

— Я видел того рожающего мужчину, но никогда не заходил в его комнату, — быстро сориентировался Хуа Тяньсяо.

Из семи свидетелей прошлого мира отсеялись двое — Юй Цюся и Фан Сынун, которые действительно переступали порог той комнаты. Осталось ровно пять человек.

Решение было на грани фола, ведь формулировка получилась слишком закрученной для пяти секунд на размышление.

Фан Сынун покрылся холодным потом, но сам Хуа Тяньсяо, казалось, даже не заметил угрозы, весьма довольный своей находчивостью.

Проектор немного помигал и окрасился зелёным. Пронесло.

Очередь дошла до Цзин Шипина. Условия:

[EVER / 3 / 3]

Он тоже решил держаться проверенной темы:

— Мы с доктором Чжанем вместе прошли через пять иллюзорных миров.

Руки подняли Юй Цюся, Юань Гуаньцзюнь и Яо Ван. Ровно трое. Раунд пройден успешно.

Семечко дерева покачалось и выдало:

И в тот же миг красным вспыхнул номер перед Фан Сынуном.

Две секунды. У него было ровно две секунды, чтобы назвать факт, который объединял бы его и ещё двоих участников за столом.

Мысли неслись вскачь. Первым делом он тоже попытался вспомнить что-то, связанное с их общими миссиями. «Нас трое... Был ли случай, когда мы действовали строго втроём?» Он лихорадочно перебирал в памяти картины прошлого.

Ничего конкретного.

Обычно они держались парой с Юй Цюся, либо к ним присоединялись Пу Тяньбай и Хуа Тяньсяо — тогда их становилось четверо. Либо толпа была ещё больше.

«Постойте... Кажется, мы ходили в тюрьму вместе со старым Цзином... Но в какую именно? В восточную или западную?»

Чёрт, время уходило!

На таймере единица сменилась нулём. В ушах оглушительно стучало собственное сердце, дыхание перехватило.

Казалось бы, готовая лазейка была прямо перед глазами, но в критический момент память наотрез отказалась выдать нужную деталь.

В панике он посмотрел на Юй Цюся, а затем краем глаза скользнул дальше.

Взгляд наткнулся на пустой стул Чжу И, а следом за ним — на Дин Тинжун.

В памяти всплыла жуткая сцена: Чжу И перед своей гибелью мечется по этому залу с безумным, лихорадочным блеском в глазах и хватает за руку подругу со словами: «Дин Тинжун, ты ведь сама постоянно твердила, что не хочешь жить! Так пойдём со мной!»

Они ведь были близкими подругами и наверняка знали друг о друге всё.

Часы замерли. Фан Сынун оказался в тупике. Выхода не было.

Юй Цюся и Дин Тинжун — вот те двое, кто остался в его замершем сознании.

— Я когда-то всерьёз планировал покончить с собой, — произнёс он севшим голосом. — И полностью подготовился к этому.

Юй Цюся постоянно твердил о смерти. Хотя на первый взгляд казался человеком, бесконечно далёким от подобных мыслей.

Впервые Юй Цюся заговорил об этом спустя месяц после того, как они начали встречаться. В тот день Фан Синун только-только освободился со съёмочной площадки своего наставника. На часах было полвторого ночи, когда зазвонил телефон — Юй Цюся звал его на какую-то вечеринку.

После начала их отношений виделись они нечасто. У Фан Синуна хватало забот с учёбой и подработками, к тому же наставник постоянно нагружал его черновой работой. Юй Цюся в университете почти не появлялся. За весь месяц это была лишь третья их встреча.

Разумеется, отказаться он не мог.

До этого Фан Синуну оставалось лишь догадываться о том, как живёт его возлюбленный. Юй Цюся был признанной звездой университета, о нём ходило множество слухов. В чужих рассказах и в собственном воображении Фан Синуна его будни представляли ослепительным калейдоскопом: респектабельный блеск днём и неоновое безумие ночью, где рекой льются деньги и вьются толпы красавиц.

Когда он пошёл вслед за официантом и тот распахнул перед ним двери приватного зала, на него обрушилась оглушительная волна музыки, мигающего неонового света и дорогих ароматов. На миг он буквально оглох и ослеп.

Всё оказалось именно таким, как он себе представлял.

Среди толпы безупречно одетых, холёных молодых людей Юй Цюся небрежно сидел на диване, закинув ногу на ногу. В руках он держал бокал и, заметив вошедшего, мягко улыбнулся.

Фан Синун хотел улыбнуться в ответ, но дорогу ему преградил какой-то парень, сидевший у самого входа. Из-за грохота басов расслышать его слова было невозможно, и лишь спустя минуту Фан Синун сообразил, что тот спрашивает, кто он такой.

Он замешкался. Фан Синун попросту не знал, какого ответа ждёт от него Юй Цюся.

Хотя он ещё плохо ориентировался в правилах этого полусветского круга, кое-что уже понимал. Большинство здесь искали лишь ни к чему не обязывающих интрижек, постоянные пары заводили редко, а заявлять о них открыто и вовсе считалось дурным тоном. К тому же они встречались без году неделю. Фан Синун не решился брать на себя смелость.

— Энди, зачем ты загораживаешь моего парня? — отчётливо донёсся сквозь шум голос Юй Цюся. Он говорил прямо в микрофон.

Музыка продолжала греметь, но в самом помещении мгновенно воцарилась звенящая тишина.

Энди ошарашенно отступил в сторону, освобождая проход. Фан Сынун снова увидел Юй Цюся. Тот слегка наклонил голову, и в его глазах блеснули лукавые искорки. В хаотичных сполохах клубного света его лицо казалось нереально, гипнотически красивым.

Отставив бокал, Юй Цюся протянул к нему свободную руку:

— Иди ко мне, солнце.

Фан Сынуну никогда не называли так прилюдно. Кровь мгновенно хлынула к лицу. К счастью, полумрак скрыл его смущение.

Он быстро преодолел разделявшее их расстояние.

Юй Цюся собственническим жестом притянул его к себе, заставляя сесть рядом, и крепко обнял за плечи.

Гости наконец опомнились и начали шумно свистеть, но Юй Цюся легко отшутился и велел всем развлекаться дальше.

Фан Сынун почувствовал, как прохладные пальцы скользнули по его пылающему уху и щеке. Прямо над ухом раздался тихий смешок:

— Какой горячий.

Фан Сынун с трудом подавил желание отстраниться — он всё ещё робел от такой близости.

— Зачем ты меня позвал?

— Соскучился, — Юй Цюся шутливо надул губы. — Мы же целую вечность не виделись.

«Две недели, — мысленно подсчитал Фан Сынун. — Обычно мы старались выкраивать время хотя бы на выходных, но в прошлую субботу наставник завалил меня срочной работой»

Глаза Юй Цюся в лучах прожекторов казались бездонными омутами, затягивающими без остатка.

Они сидели слишком близко. Фан Сынун чувствовал, как слабеют колени.

Вечеринка шла своим чередом.

К их дивану то и дело подходили люди с бокалами. Пытались заговорить и с Фан Сынуном, но из-за грохота колонок он едва разбирал слова. Юй Цюся пил со всеми подряд, не отказываясь, но при этом ни на секунду не выпускал Фан Сынуна из объятий. Сам Фан успел опустошить лишь пару бокалов, прежде чем возлюбленный мягко отобрал у него алкоголь.

Из-за вынужденной трезвости Фан Сынун чувствовал себя здесь чужаком. Разогретая алкоголем толпа сначала устроила безумные танцы на танцполе, а затем кто-то и вовсе забрался с ногами на столы. В дальнем углу затеяли хмельную игру, их звали присоединиться, но Юй Цюся отказался, избавив Фан Сынуна от необходимости вежливо выкручиваться.

Вскоре за соседним столом кто-то разрыдался. Светящаяся столешница снизу вверх озаряла мертвенно-бледное лицо плачущего, превращая потоки слёз в блестящие бусины. Он рыдал всё громче; одни пытались его утешить, другие равнодушно отворачивались, а кто-то и вовсе кривился от брезгливости.

Фан Сынун почувствовал себя неуютно. Его пугала эта выставленная напоказ, надрывная истерика сытых и пьяных людей. Он невольно прижался ближе к Юй Цюся. Тот понимающе прикрыл ладонью его ухо, мягко уткнул лицом в свою шею и положил подбородок ему на макушку.

Весь этот пьяный угар остался где-то снаружи, за барьером из ладони, ключицы и тёплой кожи Юй Цюся.

Удивительно, но в этот момент к ним больше никто не подходил. Они словно провалились в тихую гавань посреди бушующего шторма, наблюдая за чужим безумием со стороны.

Фан Сынун не раз видел, как Юй Цюся изящно лавировал на светских раутах, осыпая всех дежурными улыбками. Было очевидно, что радости он не испытывал. Классические сюжеты о пресыщенности и одиночестве золотой молодёжи всегда казались Фан Сынуноу понятными, и он надеялся, что здесь, среди богемы, Юй Цюся окружён настоящими друзьями. Теперь он видел, что жестоко ошибался.

Юй Цюся пил с каждым, кто протягивал бокал, шутил и смеялся, но стоило гостям отвернуться, как его лицо принимало выражение пугающего, ледяного равнодушия. Он сидел посреди этого вертепа, точно изваяние нефритовой Гуаньинь — прекрасный, безупречный и бесконечно далёкий от земных страстей.

К концу вечера Юй Цюся всё-таки сильно опьянел.

Он безвольно повис на плече Фан Сынуна, тихо напевая под нос какую-то мелодию. Когда большинство гостей разошлись, к ним подошёл парень, который, судя по всему, был ближе всех к Юй Цюся. Он поинтересовался, не нужна ли помощь.

Фан Сынун знал его. Это был Чжао Цзинъюнь — студент актёрского факультета, сокурсник Юй Цюся. Он только начинал карьеру, но с такой внешностью и харизмой его ждал неминуемый успех.

Фан Сынун инстинктивно отказался от его услуг.

Чжао Цзинъюнь с сомнением посмотрел на пьяного друга и попытался перехватить его под локоть. Юй Цюся приоткрыл затуманенные глаза, хмуро глянул на него из-под ресниц, резко стряхнул его руку и снова уцепился за шею Фан Сынуна.

— Исчезни, — пробормотал он.

Чжао Цзинъюнь, который и сам едва держался на ногах, что-то невнятно напутствовал Фан Сынуна, несильно хлопнул Юй Цюся по плечу и, погрузившись в такси, уехал.

Фан Сынун остался стоять на улице, обнимая хмельного возлюбленного, совершенно не представляя, что делать дальше.

Юй Цюся продолжал что-то бессвязно бормотать, а на вопросы о домашнем адресе упрямо твердил кинематографический термин:

— Одним кадром... Снимаем одним кадром...

Достав телефон, Фан Сынун принялся искать ближайшие гостиницы. Деньги у него были — вчера как раз выплатили гонорар за проект. Но его терзали сомнения. До сегодняшнего вечера они от силы пару раз держались за руки. Если Юй Цюся наутро проснётся в гостиничном номере рядом с ним, не сочтёт ли он это наглостью? Не разозлится ли?

Пока он колебался, в кармане завибрировал телефон Юй Цюся — тот сам отдал его перед началом вечеринки. На экране высветилось имя: «Юй Инъинь».

Происхождение Юй Цюся ни для кого не было секретом. За те два года, что Фан Сынун безуспешно добивался его расположения, он успел узнать о его семье практически всё. Юй Инъинь была его младшей сестрой.

Он несколько секунд заворожённо смотрел на мигающую зелёную трубку, после чего нажал на кнопку приёма.

Из динамика тут же донёлся высокомерный, ледяной голос:

— Ты где?

— Простите, это не Юй Цюся, — поспешил объясниться Фан Сынун. — Он сильно выпил... Мы сейчас...

Он хотел узнать адрес их особняка, чтобы отвезти его домой, но Юй Иньинь раздражённо цыкнула и перебила его:

— Сбрось геопозицию. Я пришлю машину.

Фан Сынун хотел было возразить, но Юй Цюся вдруг рванулся в сторону. Боясь, что тот упадёт на асфальт, Фан Сынун поспешно сбросил вызов и крепко обхватил его обеими руками.

Юй Цюся казался хрупким, но сил у него было предостаточно. Фан Сынун не удержал равновесия, и они оба покатались на газон у пыльного декоративного забора.

Кое-как усадив хмельного парня и прислонив к своему плечу, Фан Сынун разблокировал его телефон с помощью отпечатка пальца, отправил Иньинь геолокацию и стал ждать, устроившись прямо на каменном бордюре.

Лохматая голова Юй Цюся уткнулась ему в шею. Щекотное, прерывистое дыхание заставило Фан Сынуна пошевелиться. Но стоило ему попытаться устроиться поудобнее, как Юй Цюся резко выпрямился, замерев на месте с неестественно ровной спиной.

— Всё равно хочется умереть, — негромко произнёс он.

У Фан Сынуна на мгновение остановилось сердце.

Он тупо уставился на профиль Юй Цюся, чувствуя, как внутри разрастается леденящая пустота.

Резкий, холодный свет уличного фонаря падал на его лицо, оседая на ресницах, волосах и плечах призрачным серебристым налётом. Юй Цюся казался высеченной из тончайшего мрамора статуей, от которой веяло величественным, безмятежным покоем — покоем самой смерти.

Даже дышать стало больно.

Он невольно протянул руку, желая смахнуть это призрачное свечение с его ресниц.

— Сынун... Это ведь от слова «снег»? — неожиданно заговорило изваяние. Оцепенение спало, и Юй Цюся повернулся к нему с тёплой, обезоруживающей улыбкой. — Можно я буду звать тебя Сяосюэ?

Фан Сынун опешил. Лишь спустя пару секунд до него дошёл смысл вопроса.

Его имя действительно было созвучно английскому «snow» — так решили его простые, не слишком образованные родители. Имя его сестры Фанг Пэйэр точно так же восходило к слову «pearl» — жемчужина.

Несмотря на все добрые намерения отца и матери, звучали эти имена простовато. К счастью, иероглифы для «Сынуна» выбрали удачные, так что в их творческой среде это не резало слух.

Опустив голову, он почувствовал, как к щекам приливает жар:

— Только тебе можно.

— Замечательно! — обрадовался Юй Цюся и снова крепко обнял его, пряча лицо на его груди.
— Сяосюэ, Сяосюэ...

На душе у Фан Сынуна стало невероятно легко и тепло. Он несмело приобнял Юй Цюся за плечи и, набравшись храбрости, нежно поцеловал в макушку, вдыхая тонкий аромат его волос.

— От тебя так приятно пахнет, — прошептал Юй Цюся.

Фан Сынун вздрогнул, испугавшись, что произнёс свои мысли вслух, но вовремя сообразил, что это говорил Юй Цюся.

— Вовсе нет, — смущённо пробормотал он. — Это от тебя пахнет лучше всего.

Голос Юй Цюся прозвучал мягко и вкрадчиво:

— Скажешь тоже. От меня несёт перегаром на версту.

Фан Сынуну казалось, что он теряет рассудок. Внутри просыпалось тёмное, собственническое желание сжать этого человека в объятиях так крепко, чтобы растворить в собственной крови, спрятать от всего мира и никогда больше не отпускать.

Но он продолжал сидеть неподвижно. Юй Цюся же, напротив, продолжал ластиться к нему, а затем тихо запел детскую песенку из мультфильма:

— Эльза, давай построим снеговика...

Вскоре подъехал присланный автомобиль. Молодая госпожа действительно не соизволила явиться лично — прислала лишь роскошный длинный лимузин с личным водителем.

Пьяный Юй Цюся наотрез отказывался садиться в салон без своего спутника, да и сам Фан Сынун не мог оставить его в таком состоянии, поэтому поехал вместе с ним.

В предрассветный час столичные дороги были пусты, но даже так путь до загородного поместья занял около часа. Миновав охраняемые ворота, лимузин ещё минут пять петлял по территории, пока наконец перед ними не показался огромный особняк. У парадного входа их уже встречал безупречно одетый седовласый дворецкий.

Фан Сынун вместе с водителем аккуратно вытащили сонного Юй Цюся из машины. Дворецкий тут же перехватил его. Передавая ношу, Фан Сынун случайно бросил взгляд на приоткрытую массивную дверь дома. В глубине холла, в неярком свете, застыл изящный силуэт.

Это был первый раз, когда он увидел Юй Иньинь. Ни один из них не сделал попытки заговорить.

Он пешком направился к выходу из резиденции. У самых ворот его нагнал лимузин. Водитель притормозил и сообщил, что младшая госпожа распорядилась доставить гостя обратно в город. Фан Сынун вежливо отказался. Шофёр медленно ехал следом ещё какое-то время, но настаивать не стал, развернулся и уехал.

Покинув пределы этого элитного посёлка — Фан Сынун так и не понял, как правильнее его назвать, поместьем или закрытым районом, — он больше двух часов шёл пешком вдоль шоссе, пока не добрался до обитаемых кварталов. Сверившись с картой, он понял, что до университета осталось не так уж далеко. Такси в утреннем Пекине стоило безумных денег, поэтому он просто разблокировал арендный велосипед и покатил к кампусу.

На следующий день Юй Цюся заявился к нему в университет и с порога устроил шуточный нагоняй:

— Если бы я хотел спать в своей постели, зачем, по-твоему, я звал тебя на ту тусовку? Чтобы больше никогда не возил меня к этой семейке!

Фан Сынуну оставалось только без конца извиняться. В конце концов, набравшись духу, он предложил жить вместе.

Вчерашние жалобы Юй Цюся на редкие встречи заставили его всерьёз задуматься. Этот семестр обещал быть невыносимо тяжёлым, и совместное жильё казалось единственным разумным выходом.

Юй Цюся лишь хмыкнул и шутя взъерошил ему волосы:

— Ты сейчас пашешь на старика Фу. Не думай, будто я не знаю, какой он тиран. Сиди смирно в своём общежитии и не глупи!

А затем прямо там, под раскидистой сиренью во дворе кампуса, они впервые поцеловались. Это был самый первый поцелуй в жизни Фан Сынуна.

Жуткие слова о смерти, заставившие его содрогнуться прошлой ночью, мгновенно выветрились из головы. Если он и вспоминал о них позже, то списывал на глупый пьяный бред.

Пока через полгода на экраны не вышел дебютный фильм Юй Цюся.

<http://bllate.org/book/20607/2238544>